

An ornate, golden throne with intricate carvings and a crown resting on a book. The throne is set against a blue background with red drapery. The crown is golden with red and blue jewels. The book is open, showing white pages. The throne's backrest is upholstered in dark blue quilted fabric. The entire scene is framed by a blue curtain with red tassels.

Вадим Карпов

Теневой кардинал

Вадим Карпов

Теневой кардинал

<https://litres.ru/74266678>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Власть — это не корона. Власть — это возможность менять мир. А для этого не обязательно сидеть на троне. Иногда лучше стоять рядом — и дёргать за нити».

Андрей Красин прожил сорок лет, манипулируя людьми. Он выигрывал выборы, разрушал репутации и считал, что знает о жизни всё. Но жизнь решила иначе. Теперь он — Эдвард Ланкастер, избалованный мальчишка из аристократической семьи, которую вот-вот сотрут в порошок. Вокруг — заговоры, магия, клинки и предательства. Никто не воспринимает его всерьёз. И это его главное оружие.

Пока враги плетут интриги, он плетёт паутину. Пока они играют в войну, он играет в политику. И скоро они поймут: самый опасный человек в королевстве — не король, не маг и не полководец. А тихий советник, стоящий за троном.

«Теневой кардинал» — книга о том, как шахматная партия за корону превращается в игру без правил, где побеждает не сильнейший, а умнейший.

Содержание

Глава 1. Пепел и зеркала	4
Глава 2. Уроки	29
Глава 3. Леди и шут	41
Глава 4. Королевский Совет	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Вадим Карпов

Теневой кардинал

Глава 1. Пепел и зеркала

1. Пробуждение

Запах ударил в нос раньше, чем свет — в глаза. Пахло кислым вином, застарелым потом и чем-то приторно-сладким. То ли благовония, то ли рвота. Андрей попытался сморщиться и не смог — лицо не слушалось.

«Инсульт? — мелькнула мысль. — Нет, слишком реалистично для инсульта».

Он заставил себя разлепить веки. Потолок над ним был высоким, сводчатым, с каменной кладкой и следами копоти от факелов. Не его потолок. Его потолок был натяжным, с точечными светильниками, которые он лично выбирал в «Леруа Мерлен» три года назад. Три года назад... или три часа? Последнее, что он помнил — экран ноутбука, цифры, графики, предвыборные расклады. И острую боль в груди, будто кто-то воткнул спицу между рёбер и медленно проворачивал.

Сердце. В сорок лет. Классика для трудоголика.

Он попытался пошевелить правой рукой и обнаружил,

что она есть, но какая-то чужая. Слишком тонкая, слишком бледная. На тыльной стороне ладони — след от ожога. Не свежий, застарелый, похожий на клеймо. Андрей — его настоящее тело — никогда не курил, а это был явно ожог от сигары. Или от трубки.

«Я умер, — констатировал он мысленно. — И, кажется, попал в чьё-то тело. Вопрос — в чьё?»

Он приподнялся на локтях. Голова закружилась. Комната поплыла. Это была не комната — спальня. Огромная, с gobеленами на стенах, тяжёлыми портьерами и кроватью размером с плацдарм для высадки десанта. Рядом с кроватью на дубовом столике стоял поднос с остатками ужина. Нет, не ужина. Попойки. Обглоданная кость, перевёрнутый кубок, лужа вина на скатерти. И графин. Пустой.

Андрей сглотнул. Во рту был вкус, будто там переночевал взвод кошек. Он откинул одеяло и сел, свесив ноги с кровати. Ноги тоже были чужие. Тощие. В синяках.

— Ваша милость! — раздался голос от двери. — Вы изволили проснуться?

Голос был женский, молодой, с лёгкой хрипотцой. Андрей поднял глаза. В дверях стояла девушка в сером платье служанки. Лет девятнадцати, невысокая, с простым лицом и цепким взглядом, который совсем не вязался с её скромной одеждой. Она смотрела на него без страха, скорее с привычной усталостью — так смотрят на капризного ребёнка, который в очередной раз устроил истерику.

— Кто... — начал Андрей и осёкся. Голос был чужим. Тонким, ломким. Голос подростка.

Он прокашлялся и попробовал снова.

— Кто я?

Служанка на мгновение замерла. В её глазах мелькнуло что-то — удивление, смешанное с подозрением.

— Вы — лорд Эдвард Ланкастер, племянник герцога Ричарда. А я — Марта, ваша служанка. Ваша милость, вы вчера изволили перебраться на празднике в честь возвращения вашего дяди. Вам принести воды? Или вина?

— Воды, — сказал Андрей. — Много воды. И зеркало.

Марта кивнула и вышла. Андрей остался сидеть на кровати, переваривая информацию. Лорд Эдвард Ланкастер. Племянник герцога. Значит, он аристократ. Подросток. И, судя по антуражу и «вчерашнему празднику» — тот ещё фрукт.

Через минуту Марта вернулась с кувшином воды и небольшим бронзовым зеркалом. Андрей взял зеркало и посмотрел на себя.

Из зеркала на него глядел мальчик. Лет шестнадцати, не больше. Бледное, измождённое лицо с синяками под глазами. Тонкие губы, слегка припухшие то ли от вина, то ли от драки. Волосы — тёмные, спутанные, с застрявшей в них крошкой. На скуле — свежая царапина. Взгляд — мутный, неуверенный, но по мере того, как Андрей вглядывался, он твердел.

— Ваша милость? — тихо спросила Марта. — С вами всё

в порядке?

— Нет, — честно ответил Андрей. — Не будет.

Он отставил зеркало и взял кувшин. Сделал несколько жадных глотков. Вода была холодной и чистой — единственная приятная вещь в этом утре.

— Марта, — сказал он, вытирая рот. — Расскажи мне, что произошло вчера. Подробно.

Служанка нахмурилась. Она явно не привыкла, чтобы Эдвард задавал вопросы, да ещё таким тоном — спокойным, ровным, без обычных для него капризов. Но через мгновение она взяла себя в руки и заговорила.

— Вчера герцог Ричард вернулся из Северного похода. Устроили пир. Вы изволили... перебрать, ваша милость. Вы кричали на гостей, обозвали герцога Блэквуда «старым скрягой» и пытались вызвать на дуэль сира Роланда за то, что он отказался подать вам ещё вина.

— Я вызывал кого-то на дуэль? — Андрей невольно усмехнулся. — И что?

— Сир Роланд сказал, что не будет драться с мальчишкой, и ушёл. А вы упали лицом в стол и заснули. Вас принесли сюда. Герцог Ричард был в ярости. Он сказал, что вы — позор семьи.

— Понятно.

Андрей встал. Ноги держали нетвёрдо, но это было терпимо. Он подошёл к окну и отдёрнул портьеру. За окном был внутренний двор замка. Мощёный булыжником, с колодцем

посередине и конюшными вдалеке. Серое небо, крики чаек где-то за стенами. Он обернулся к Марте.

— Мне нужна книга. По истории королевства. Прине-сёшь?

Марта снова замерла. На этот раз она смотрела на него почти с испугом.

— Ваша милость, вы... никогда не читали книг.

— Значит, начну. Иди.

Она вышла, пятясь и не сводя с него глаз. Андрей остался у окна. Он смотрел на серое небо и думал. В прошлой жизни он начинал с нуля — детдом, улица, первые деньги, первые контракты. Теперь у него есть имя, титул и, судя по всему, репутация форменного идиота. Неплохой стартовый капитал. Когда тебя считают шутом, никто не ждёт удара.

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал он, не оборачиваясь.

Дверь открылась, и в комнату вошёл человек, которого Андрей ещё не видел. Высокий, коренастый, с седыми висками и лицом, будто вырубленным из дуба. Одет он был в простой камзол без украшений, но осанка выдавала военного.

— Эдвард, — сказал он голосом, который привык отдавать приказы. — Ты уже проснулся. Хорошо. Нам нужно поговорить.

Андрей обернулся. Сердце — или то, что теперь было его сердцем, — забилось быстрее. Он не знал этого человека,

но тело знало. Внутри шевельнулось что-то вязкое, тёплое и одновременно пугающее — смесь уважения, страха и стыда.

— Дядя Ричард, — произнёс он, догадываясь.

— Дядя Ричард, — подтвердил вошедший и закрыл за собой дверь. — Садись. Разговор будет долгим.

Ричард Ланкастер не сел. Он подошёл к окну, заложив руки за спину, и некоторое время молча смотрел во двор. Андрей успел разглядеть его профиль — тяжёлый подбородок, шрам через левую бровь, седые виски, которые контрастировали с тёмными волосами. Воин. Настоящий, не парадный. Такие не любят ждать и не прощают слабости.

— Ты помнишь, что вчера устроил? — спросил Ричард, не оборачиваясь.

— Смутно, — ответил Андрей. Он решил не врать и не оправдываться. Лучшая защита в таких случаях — краткость.

— Смутно? — Ричард резко повернулся. — Ты назвал герцога Блэквуда «старым скрягой» в присутствии трёх десятков гостей. Ты попытался вызвать на дуэль моего лучшего рыцаря. Ты разбил кубок о голову слуги, который попытался увести тебя спать. А когда я приказал тебе уйти, ты заявил, что я «никто тебе не указ, потому что ты сам станешь герцогом». Ты. Станешь. Герцогом.

Каждое слово падало, как камень. Андрей молчал. Он не знал, что можно ответить на это, и знал, что любые слова сейчас будут восприняты как очередная ложь.

— Молчишь? — Ричард шагнул ближе. — Правильно. Потому что сказать нечего. Ты позоришь наше имя, Эдвард. Ты позоришь его уже третий год. С тех пор, как твой отец умер, а мать слегла от горя, ты только и делаешь, что пьёшь, играешь и валяешь дурака. Я терпел. Я думал — перерастёт. Юность, кровь играет. Но вчера ты перешёл черту.

Он остановился в шаге от Андрея и посмотрел на него сверху вниз. Андрей не отвёл взгляда. Это стоило усилий — тело Эдварда, казалось, привыкло сжиматься под этим взглядом, втягивать голову в плечи, бормотать извинения. Но Андрей держался.

— Ты выйдешь из этой комнаты, — продолжил Ричард, — только когда я скажу. А скажу я вот что. Через месяц — Большой Королевский Совет. Там решится, кто займёт трон после смерти старого короля. У меня есть враги. Герцог Блэквуд, герцогиня Монфор, даже Архиепископ — все они точат на меня зубы. Чтобы выстоять, мне нужны союзники. И ты мне их обеспечишь.

— Каким образом? — спросил Андрей спокойно.

Ричард на мгновение запнулся. Он явно ожидал либо истерики, либо угрюмого молчания.

— Ты женишься, — сказал он. — На леди Ванессе Блэквуд. Дочери моего врага. Этот брак скрепит союз между нашими домами и лишит герцога Эдмунда возможности нападать на меня открыто.

Андрей молча переваривал информацию. Леди Ванесса

Блэквуд. Дочь врага. Значит, его, Эдварда, хотят использовать как пешку в политической игре. С одной стороны — унизительно. С другой — понятно. Типичный ход: брак как гарантия мира.

— И что взамен? — спросил он.

— Взамен? — Ричард нахмурился. — Ты останешься жив и при деньгах. И твоя мать будет обеспечена. Разве этого мало?

— Мало.

Ричард опешил. Андрей понимал, что ходит по тонкому льду, но отступать было некуда. Если он сейчас прогнётся, его так и будут использовать. А он не собирался быть пешкой. Ни в этой жизни, ни в какой другой.

— Я женюсь на леди Ванессе, — сказал он, — но при нескольких условиях.

— Ты ставишь мне условия? — в голосе Ричарда зазвела сталь.

— Да. Потому что я — единственный наследник твоего брата. Потому что без меня этот брак невозможен. И потому что я, дядя, больше не тот мальчишка, которого ты помнишь.

Ричард долго смотрел на него. Так долго, что Андрей уже начал мысленно прикидывать пути отступления. Но потом герцог неожиданно усмехнулся.

— Любопытно, — сказал он. — Вчера ты был пьяным дураком. Сегодня — говоришь как торговец на рынке. Что с тобой случилось?

— Я проспался.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть. Пока.

Ричард помолчал, потом кивнул.

— Хорошо. Какие условия?

— Первое, — Андрей загнул палец. — Я хочу знать всё.

Всё о политической ситуации, о врагах, о союзниках. Вы держите меня в неведении, а потом удивляетесь, что я веду себя как дурак. Дурак — это тот, кто ничего не знает.

— Допустим.

— Второе. Я хочу учиться. Не танцам и этикету, а тому, что пригодится. Военное дело, право, история. У вас есть библиотекарь — отец Грегор. Он будет меня учить.

Ричард удивлённо поднял бровь, но кивнул.

— Отец Грегор — опальный священник. Но он учён. Хорошо.

— Третье. Я сам поговорю с леди Ванессой до помолвки. Без вас, без её отца. Наедине.

— Это невозможно. Герцог Блэквуд никогда не допустит...

— Вы — герцог Ланкастер, — перебил Андрей. — Вы разбили северных варваров за месяц. Неужели вы не сможете договориться о пяти минутах разговора между подростками?

Ричард помолчал. Потом вдруг рассмеялся — хрипло, коротко, но искренне.

— А ты изменился, племянник. Не знаю, что на тебя повлияло — может, удар головой об стол, — но мне это нравится. Хорошо. Я устрою тебе разговор с леди Ванессой. Но если ты снова меня опозоришь — пеняй на себя.

— Не опозорю.

Ричард кивнул и направился к двери. На пороге он обернулся.

— И вот ещё что. Сир Роланд, которого ты вызвал на дуэль, — хороший человек. Он не стал тебя позорить при всех, но осадок остался. Если хочешь, чтобы тебя уважали, — извинись перед ним. Сам.

— Извинюсь, — сказал Андрей.

Ричард вышел. Дверь закрылась. Андрей остался один.

Он подошёл к окну и посмотрел на серое небо. Леди Ванесса. Герцог Блэквуд. Архиепископ. Герцогиня Монфор. Четыре фигуры на шахматной доске, и он — пешка, которая должна стать ферзём.

В дверь тихо постучали.

— Войдите.

Вошла Марта. В руках у неё была книга в потрёпанном кожаном переплёте.

— Я принесла историю королевства, как вы просили, — сказала она. — Но, ваша милость...

— Что?

— Вы правда будете учиться? У отца Грегора? Я слышала ваш разговор с герцогом. Простите, я не подслушивала,

просто...

— Просто что?

— Просто это так странно, — выпалила она. — Вы никогда не читали. Вы всегда говорили, что книги — для скучных стариков.

Андрей взял книгу из её рук. Она была тяжёлой, пахла пылью и временем.

— Значит, я стал скучным стариком, — сказал он. — Принеси чай. И позови отца Грегора. Нам нужно поговорить.

Марта, всё ещё ошарашенная, кивнула и вышла. Андрей открыл книгу. Страницы были желтоватыми, чернила — выцветшими, но буквы — ровные, каллиграфические. Он начал читать.

«Королевство Арден было основано в год Падения Звезды, когда Первый Король Генрих Объединитель скрепил своей кровью Печать Единства и подчинил себе четыре Великих Дома...»

Андрей читал, и мир вокруг него обретал форму. У этого мира были свои законы, свои герои и свои предатели. И он, Андрей Красин, политтехнолог с сорокалетним опытом интриг, теперь был частью этой истории.

Он улыбнулся — впервые за это утро.

— Ну здравствуй, Арден, — прошептал он. — Поиграем.

Отец Грегор явился через полчаса. Андрей за это время успел прочитать первые десять страниц «Истории королевства Арден» и сделать несколько пометок на полях — при-

вычка, выработанная десятилетиями работы с документами. Правда, чернила здесь были жидкими, а перо скрипело, но это было терпимо.

Библиотекарь вошёл, шаркая ногами, и остановился у двери. Это был сутулый человек лет пятидесяти, в старой, потёртой сутане, с седыми волосами и пальцами, испачканными чернилами. Он не смотрел в глаза — его взгляд блуждал по комнате, задерживаясь на книгах, которых здесь почти не было. Андрей сразу узнал этот тип: затворник, который предпочитает общество мёртвых авторов живому общению. В прошлой жизни он нанимал таких аналитиками — они незаменимы, если дать им правильную задачу и не мешать.

— Вы звали меня, лорд Эдвард? — спросил Грегор тихо. Голос у него был глуховатый, но не лишённый достоинства.

— Звал. Проходите. Садитесь. — Андрей указал на стул напротив.

Грегор прошёл и сел, сложив руки на коленях. Видно было, что он чувствует себя неуютно. Андрей его понимал: этот человек привык, что молодой хозяин либо игнорирует его, либо насмехается. Сейчас всё иначе.

— Отец Грегор, — начал Андрей, — я говорил с герцогом. Он разрешил мне учиться. Вы будете моим наставником. История, право, география — всё, что вы знаете. Особенно — политическая история. Мне нужно понимать, кто есть кто в этом королевстве и почему они ненавидят друг

друга.

Грегор поднял глаза. В них мелькнуло недоверие, смешанное с любопытством.

— Вы... вы серьёзно, милорд?

— Вполне. Начнём прямо сейчас. — Андрей подвинул к нему раскрытую книгу. — Я прочитал первые десять страниц. Там говорится о Первом Короле и Печати Единства. Но дальше — слишком много имён и дат. Я хочу, чтобы вы объяснили мне суть. Как будто мне не шестнадцать, а... сорок.

Грегор моргнул. Что-то в его взгляде изменилось — напряжение чуть отпустило. Он наклонился над книгой и провёл пальцем по строкам.

— Хорошо, милорд. Суть такова. Королевство Арден держится на трёх опорах. Первая — Великие Дома. Их четыре: Ланкастеры, Блэквуды, Монфоры и Корвусы. Каждый дом владеет землями, армией и имеет свои интересы. Ланкастеры — воины. Северные провинции, граница с варварами. Блэквуды — торговцы. Восточные порты, флот. Монфоры — дипломаты и шпионы. Южные посольства, связи с заморскими державами. Корвусы... — он запнулся. — Корвусы почти уничтожены. Они владели западными рудниками, но во время последней войны их род прервался. Сейчас их земли отошли короне.

— То есть королю? — уточнил Андрей.

— Формально — да. Но король умирает. И как только он умрёт, эти земли станут яблоком раздора. Каждый из трёх

оставшихся Домов захочет их забрать. Плюс — трон.

— Понятно. А вторая опора?

— Церковь Единого Света. — Грегор чуть поморщился, произнося это. — Архиепископ Лотар — третий сын герцога Блэквуда. Когда-то. Сейчас он утверждает, что у него нет мирских привязанностей. Но это, конечно, ложь. Церковь — это четвёртый игрок за столом, и, возможно, самый опасный. У них есть влияние на простой народ. И у них есть магия — особая, церковная, которую они называют Чудесами.

— А третья опора?

— Орден Башни. Маги. Они нейтральны. Формально. На деле — у них есть свой интерес. Они не вмешиваются в политику, пока политика не вмешивается в магию. Но они наблюдают. И у них есть Печати, которые могут менять реальность.

Андрей задумался. Три опоры. Четыре игрока за столом, считая Церковь. И у каждого свои ресурсы и свои слабости. Герцог Ричард прав — нужны союзники.

— Теперь скажите мне, отец Грегор, — медленно произнёс он, — кто из этих игроков представляет наибольшую угрозу лично для Ланкастеров? И кто из них может стать союзником?

Грегор ответил не сразу. Он смотрел на Андрея, и в его глазах читалась работа мысли. Старый библиотекарь явно не ожидал, что избалованный мальчишка будет задавать такие вопросы.

— Самая большая угроза, — сказал он наконец, — это герцог Блэквуд. Он ненавидит вашего дядю. Когда-то они вместе воевали на севере, и герцог Ричард публично обвинил его в трусости. С тех пор Блэквуд ищет повода для мести. Но он не глуп — в открытую войну он не полезет. Он будет действовать через союзы, через браки, через деньги.

— А герцогиня Монфор?

— Изабелла Монфор — тёмная лошадка. После смерти мужа она взяла управление домом в свои руки и за пять лет удвоила его влияние. Она умна и беспринципна. Поговаривают, что у неё есть шпионы в каждом замке. Возможно, и в этом тоже. — Он бросил взгляд на дверь. — Она может быть и врагом, и союзником. Но ей нельзя доверять.

— А Церковь?

— Архиепископ Лотар ждёт. Он не будет нападать первым. Он будет ждать, пока остальные ослабят друг друга, а потом нанесёт удар. Я знаю его методы. — Грегор опустил глаза. — Когда-то я был священником.

Андрей не стал развивать эту тему — он видел, что Грегору больно говорить о прошлом. Вместо этого он спросил:

— А союзники? Кто может поддержать Ланкастеров?

— Из Великих Домов — никто, — честно ответил Грегор. — Слишком много старой крови и старых обид. Но есть другие силы. Городские гильдии. Свободные бароны с востока. Орден Башни, если убедить их, что это в их интересах. И... — он замаялся, — простой народ. Ваш дядя — единственный из

претендентов, кто не повышал налоги в своих землях. Крестьяне его любят. Но любовь крестьян — это не армия.

— Армия у нас есть, — сказал Андрей. — Любовь крестьян пригодится позже. А вот с гильдиями и баронами стоит поработать. Сможете подготовить мне список влиятельных людей за пределами столицы? Тех, кто недоволен Блэквудом или Монфорами?

Грегор посмотрел на него с удивлением.

— Смогу. Но это займёт время.

— Время у нас есть. Месяц до Совета. За этот месяц я должен узнать всё, что вы знаете. А потом — всё, что знают другие.

Библиотекарь помолчал, потом вдруг спросил:

— Милорд, что с вами случилось?

— А что?

— Вы... другой. Я видел вас вчера. Вы были пьяны и кричали на слуг. А сегодня вы говорите как человек, который провёл в библиотеке всю жизнь.

Андрей усмехнулся. Вот он, ключевой момент. Сейчас важно не переиграть.

— Скажем так, отец Грегор. Иногда, чтобы человек изменился, ему нужно умереть. Я умер вчера. В переносном смысле. А сегодня — воскрес. Вас устраивает такой ответ?

Грегор долго смотрел на него. Потом кивнул.

— Меня устраивает, милорд. Я видел много странного в своей жизни. Ещё одна странность — не повод для вопросов.

— Тогда за работу. Принесите мне список Великих Домов с их вассалами и союзниками. И отдельно — всё, что знаете о леди Ванессе Блэквуд. Мне нужно готовиться к разговору с ней.

— С леди Ванессой? — Грегор удивлённо приподнял бровь. — Но она — дочь вашего врага.

— Именно поэтому мне нужно знать о ней всё. Идите, отец Грегор. И спасибо.

Библиотекарь встал, поклонился и направился к двери. На пороге он обернулся.

— Милорд... я рад. Что бы ни случилось, я рад, что вы изменились. Этот замок слишком долго был без надежды.

И он вышел.

Андрей остался один. За окном начинало темнеть. Он смотрел на серое небо и думал. Четыре игрока за столом. И он — пятый. Пока ещё скрытый, пока ещё «шут». Но скоро они узнают, что шут может оказаться ферзём.

В дверь снова постучали. На этот раз без предупреждения. Вошла Марта — она уже не выглядела испуганной, скорее сосредоточенной.

— Ваша милость, там сир Роланд. Он говорит, что герцог приказал ему явиться к вам. Кажется, он не в духе.

Андрей кивнул. Пора извиняться перед рыцарем. И заодно — вербовать первого настоящего союзника.

— Пусть войдёт.

Сир Роланд вошёл, и Андрей сразу понял, почему этот че-

ловек не стал добивать вчерашнего пьяного мальчишку. Не потому, что пожалел. А потому, что пожалел бы себя. Этот рыцарь был из тех, кто скорее даст себя избить, чем поднимет руку на сопляка. Не из страха — из брезгливости.

Он встал у двери, прямой как копьё, и Андрей смог разглядеть его как следует. Высок, плечист, но под старым дублетом угадывалась скорее жилистая сухость, чем грубая сила. Такие тела бывают у тех, кто привык недоедать, но много тренироваться. Лицо — обветренное, с резкими чертами, какие обычно рисуют на портретах героев, но в живом человеке они смотрятся слишком суровыми. Шрам над левой бровью. Ещё один — на подбородке. Светлые волосы стянуты в короткий хвост, но несколько прядей выбились и прилипли ко лбу. От него пахло конским потом и старым железом.

Доспехи на нём были хорошими когда-то. Сейчас — с вмятинами, с заплатками, с заклёпками, которые явно ставил не мастер, а кто-то второпях. На поясе — меч в простых ножнах. Рукоять стёрта — значит, меч часто бывает в деле. Андрей отметил всё это машинально, как отмечал когда-то внешний вид конкурентов на переговорах: по одному шарфу или часам он мог определить финансовое положение собеседника с точностью до сотни долларов.

— Лорд Эдвард, — произнёс Роланд ровным голосом, в котором, однако, чувствовался лёд. — Герцог Ричард сказал, что вы хотите меня видеть.

— Хочу, — Андрей встал из-за стола и сделал несколько шагов навстречу. — И хочу начать с извинений.

Роланд моргнул. Этого он явно не ожидал.

— За вчерашнее, — продолжил Андрей. — Я вёл себя как идиот. Это не оправдание, но я был пьян и не соображал, что делаю. Вы — рыцарь. Вы рисковали жизнью в Северном походе. А я, вместо того чтобы проявить уважение, устроил балаган. Мне жаль.

Роланд молчал. Андрей видел, как на его лице сменяются эмоции: удивление, недоверие, подозрение. Этот человек привык, что аристократы не извиняются перед теми, кто ниже по статусу. Извинения — удел слабых. Так их учили. И то, что сейчас делал Эдвард, для Роланда было чем-то неестественным.

— Это всё? — спросил рыцарь наконец.

— Нет, не всё. — Андрей указал на стул. — Присядьте, сир Роланд. Есть разговор.

Роланд поколебался, потом сел. Спину держал прямо, руку положил на рукоять меча — привычным жестом, не угрожающим, но показывающим, что он не расслаблен.

— Герцог Ричард высоко вас ценит, — начал Андрей, садясь напротив. — Он сказал, что вы — лучший меч в его армии. Что в Северном походе вы спасли ему жизнь.

— Герцог преувеличивает, — сухо ответил Роланд. — Я лишь выполнял свой долг.

— Скромность — достоинство. Но не всегда. Иногда нуж-

но уметь принимать похвалу. Особенно если она заслужена.
— Андрей помолчал, глядя на рыцаря. Тот не отводил взгляда.
— Скажите, сир Роланд, почему вы служите моему дяде?
Роланд нахмурился.

— Это странный вопрос, милорд.

— И всё же.

— Он дал мне меч и цель. Когда мой отец умер, наш дом остался без гроша. Я был младшим сыном — ни земли, ни титула, ничего. Герцог взял меня в свою дружину, хотя у меня не было ни рекомендаций, ни богатых покровителей. Просто увидел, как я дерусь на турнире, и сказал: «Приходи завтра». Я пришёл. С тех пор служу ему.

— А чего вы хотите? — спросил Андрей тихо.

Роланд чуть сузил глаза.

— Я хочу служить чести. Хочу, чтобы мой меч приносил пользу. Хочу... — он осёкся.

— Хотите землю? Титул? Чтобы ваш род не угас?

Роланд промолчал, но его пальцы чуть сжались на рукояти. Андрей понял: попал.

— Вы — младший сын, сир Роланд. Вы знаете, что такое быть вторым. Третьим. Последним. Вы знаете, что такое, когда всё отдадут старшему брату, а тебе — ничего. И вы хотите большего. Это нормально.

— К чему вы ведёте? — голос Роланда стал жёстче.

— К тому, что я могу вам это дать, — спокойно сказал Андрей. — Не сейчас. Но в будущем. Если мы оба будем

живы.

Роланд усмехнулся.

— Вы, милорд, вчера не могли дать мне даже связного предложения. А сегодня обещаете земли и титулы? Что случилось? Вас ударило молнией, пока вы спали?

— Можно и так сказать. — Андрей подался вперёд. — Послушайте, сир Роланд. Я понимаю, что выгляжу как капризный мальчишка, который неожиданно решил поиграть в политику. Вы не обязаны мне верить. Но вы можете дать мне шанс.

— Какой шанс?

— Я хочу, чтобы вы учили меня.

Роланд удивлённо поднял бровь.

— Чему?

— Военному делу. Стратегии. Тактике. Тому, что вы знаете. Отец Грегор будет учить меня книгам. А вы — тому, что в книгах не пишут.

— Зачем вам это? — спросил Роланд. — У вас есть дядя, есть другие рыцари. Почему я?

— Потому что дядя будет учить меня так, как учили его самого, — медленно, с оглядкой на традиции. А вы — нет. Вы молоды. Вы амбициозны. Вы знаете, каково это — быть никем и пробиваться наверх. Я тоже был никем.

Роланд прищурился.

— Вы — племянник герцога. Вы не были никем ни дня в своей жизни.

Андрей на мгновение загнулся. Чуть не прокололся. В прошлой жизни он был никем — детдомовским мальчишкой, который сам пробивал себе дорогу. Но здесь, в теле Эдварда, он — аристократ с рождения. Пришлось импровизировать.

— Я был никем в глазах других, — сказал он. — Меня считали шутком, пьяницей, позором семьи. Вы же знаете, как обо мне говорят. Это тоже форма небытия. Я хочу из этого выбраться. Помогите мне.

Роланд молчал долго. Андрей видел, как в его глазах идёт борьба: недоверие боролось с любопытством, осторожность — с амбициями. Наконец рыцарь заговорил:

— Хорошо. Я буду учить вас. Но при одном условии.

— Каком?

— Вы не будете пить. Во время наших занятий — ни капли. И вообще. Пока я рядом, вы трезвы.

Андрей кивнул.

— Согласен. Когда начнём?

— Завтра. На рассвете. Во дворе. Если опоздаете, я уйду.

— Не опоздаю.

Роланд встал, поправил меч и направился к двери. На пороге он обернулся.

— Знаете, милорд, — сказал он задумчиво, — вчера вы были похожи на свою репутацию. Сегодня — нет. Это подозрительно.

— Подозрительно?

— Да. Как будто вас подменили. — Он помолчал. — Но, честно говоря, старая версия мне не нравилась. Так что я готов рискнуть.

Он вышел, и дверь за ним закрылась. Андрей остался сидеть, глядя в стену. Разговор с Роландом дался ему тяжелее, чем с Грегором. Священник был сломлен и рад любому вниманию. А этот — цельный, гордый, с характером. Он будет проверять Андрея на прочность каждую минуту. Но именно такие люди и нужны. Не подхалимы. Не лстецы. Воины.

Андрей встал, подошёл к окну. Солнце уже садилось за стены замка, и двор погружался в сумерки. Он видел, как Роланд пересёк двор и скрылся в казармах. Шагал он легко, упруго — так ходят люди, которые знают, чего хотят. Или которые только что нашли то, что искали.

— Марта, — позвал Андрей.

Дверь тут же приоткрылась — видимо, служанка ждала за порогом.

— Да, ваша милость?

— Ты всё слышала?

— Я... — она запнулась. — Простите. Я не должна была. Но да, я слышала.

— Хорошо. Тогда у меня к тебе дело. — Андрей повернулся к ней. — Ты знаешь, кто из слуг в этом замке умеет держать язык за зубами?

Марта на мгновение задумалась.

— Несколько человек. Мой дядя — он конюх. Моя тётка

— кухарка. И ещё...

— Мне нужны глаза и уши в замке, — перебил Андрей.
— Не шпионы. Просто люди, которые будут сообщать, о чём говорят господа, когда меня нет рядом. Ты сможешь их найти?

Марта посмотрела на него долгим взглядом. В нём читалось что-то новое — не страх, не удивление, а азарт.

— Смогу, ваша милость.

— Тогда за работу. И... Марта.

— Да?

— Называй меня просто «милорд». «Ваша милость» — слишком длинно. Мы теперь одна команда.

Марта улыбнулась. Впервые за всё время, что Андрей её знал. Улыбка у неё была тёплая, почти детская, но в глазах горел взрослый, цепкий ум.

— Хорошо, милорд. Я всё сделаю.

Она вышла. Андрей остался один в темнеющей комнате. Он смотрел на закат и думал о том, что за один день завербовал троих: библиотекаря, рыцаря и служанку. Каждый из них — потенциальный лидер. Каждый из них — со временем станет опорой. Но пока что они — семена, брошенные в неподготовленную почву. Чтобы они проросли, нужно время. А времени у него — месяц.

Завтра — первый урок у отца Грегора. Потом — тренировка с Роландом. Потом — доклад от Марты. А вечером — подготовка к встрече с леди Ванессой. Андрей чувствовал,

как в груди разгорается знакомое тепло. Так бывало всегда, когда он начинал новую игру. Самую сложную. Самую опасную. И самую интересную.

Глава 2. Уроки

1. Первая кровь

Рассвет застал Андрея во дворе замка. Точнее, то, что здесь называли рассветом — серое небо слегка посветлело, и туман, напolzавший с реки, окрасился в бледно-жёлтый. Андрей стоял, поёживаясь в старом дублете, который ему выдала Марта («Для тренировок, милорд, нечего дорогую одежду портить»), и ждал. Руки замёрзли, несмотря на перчатки. Ноги, обутое в грубые сапоги, гудели после вчерашнего дня — тело Эдварда явно не привыкло к нагрузкам.

Сир Роланд появился из тумана, как призрак. Бесшумно. Он был уже в полном доспехе, но двигался легко, будто железо ничего не весило. В руках он держал два деревянных меча.

— Вы не опоздали, — сказал он вместо приветствия. В голосе — ни одобрения, ни удивления. Просто констатация факта.

— Я же обещал.

— Многие обещают. — Роланд бросил ему один из мечей. Андрей поймал — и едва не выронил. Деревянный меч оказался неожиданно тяжёлым. — Это тренировочный. Весит как настоящий. Стойка — ноги на ширине плеч, левая вперёд, меч перед собой.

Андрей попытался принять стойку. Получилось плохо. Роланд обошёл его кругом, поправил локоть, плечо, наклон головы — каждое касание было коротким и деловым.

— Вы никогда не держали меч, — сказал он.

— Держал. Просто... давно.

— Врёте. Но это не важно. Важно, что вы здесь. Начнём.

И они начали.

Через полчаса Андрей понял, что такое настоящая усталость. Не та, что бывает после долгого рабочего дня за компьютером. Не та, что он чувствовал в прошлой жизни после переговоров или авралов. А та, когда мышцы превращаются в кисель, лёгкие горят, а пот заливает глаза, и мир сужается до одной точки — деревянного меча в руке и противника напротив.

Роланд не щадил его. Он гонял Андрея по двору, заставляя повторять базовые движения: удар сверху, удар сбоку, блок, шаг вперёд, шаг назад. Каждое движение он комментировал коротко и безжалостно.

— Медленно. Ещё раз. Локоть выше. Не смотри на меч, смотри на противника. Дыши. Ещё раз. Ещё.

Андрей падал, поднимался, снова падал. Тело Эдварда было слабым, не тренированным. Но внутри этого тела был мозг сорокалетнего мужчины, который привык добиваться своего. Он стискивал зубы и повторял. Снова и снова.

Наконец Роланд остановился.

— На сегодня хватит.

Андрей, тяжело дыша, опёрся на меч. Руки дрожали.

— Я... плох?

— Вы — худший ученик, которого я видел, — честно сказал Роланд. — Но вы не сдались. Это уже кое-что.

— Когда следующий урок?

Роланд чуть приподнял бровь.

— Завтра. Тот же час. Если сможете встать с постели.

— Смогу.

Рыцарь кивнул и ушёл, оставив Андрея одного в пустом дворе. Туман рассеялся. Солнце — настоящее, не серое — начинало пригревать камни. Андрей доковылял до колодца, плеснул воды в лицо и долго сидел на краю, приходя в себя.

Он чувствовал боль. Настоящую, живую боль в мышцах. И это было странно приятно. В прошлой жизни он забыл, что такое физическая нагрузка, — всё работа, работа, работа. А здесь... здесь он заново учился быть живым.

После тренировки и скудного завтрака (хлеб, сыр, вода — Андрей сам попросил не подавать вино) он отправился в библиотеку. Отец Грегор уже ждал его, разложив на столе несколько книг и карт.

— Доброе утро, милорд. Выглядите... уставшим.

— Я тренировался с сиром Роландом.

— Похвально, — Грегор чуть улыбнулся. — Но позвольте заметить, что знания — тоже оружие. И иногда более действенное, чем меч.

— Я знаю. Поэтому я здесь. С чего начнём?

— С карты.

Грегор развернул большой пергаментный лист. Это была карта королевства Арден — не очень точная, с условными обозначениями, но дающая представление о масштабе. Андрей склонился над ней.

— Арден — это треугольник, — начал Грегор. — На севере — горы, где живут варвары. На востоке — побережье и порты, которые контролируют Блэквуды. На юге — степи и посольства Монфоров. Запад — рудники, отошедшие короне. Столица, Аркхейм, — в центре. Здесь, — он ткнул пальцем, — находится замок Ланкастеров. Это наш родовой оплот.

— А где земли других домов?

— Вот. — Грегор провёл пальцем по карте. — Блэквуды — восток. Монфоры — юг. Корвусы, вернее, их бывшие земли, — запад. Как видите, каждый дом контролирует свою границу. Ланкастеры — северную. Поэтому мы — первая линия обороны от варваров. Это даёт нам армию, но забирает ресурсы.

— Значит, мы — щит королевства, — задумчиво произнёс Андрей. — Но щит не может атаковать. Кто же тогда меч?

— Меч — это Блэквуды, — нехотя признал Грегор. — У них деньги, флот и наёмники. Если они захотят, они могут ударить кого угодно. Поэтому ваш дядя так стремится к союзу с ними. Брак между вами и леди Ванессой — это попыт-

ка превратить меч из оружия врага в оружие союзника.

— А Монфоры? Они — кинжал?

— Скорее, яд. Они не воюют открыто. Они плетут интриги, подкупают, шантажируют. Герцогиня Изабелла — мастер этого дела. Говорят, у неё есть агенты в каждом замке. Возможно, и в нашем.

Андрей задумался. Треугольник. Щит, меч и яд. И мёртвый дом на западе, чьи земли — яблоко раздора. И Церковь, которая ждёт своего часа.

— Расскажите мне о Печатах, — попросил он. — О магии.

Грегор на мгновение замер. Его пальцы, до этого спокойно лежавшие на столе, чуть дрогнули.

— Это... сложная тема, милорд. И опасная.

— Почему?

— Потому что Церковь считает магию вне Башни — ересью. И потому что я... — он запнулся. — Когда-то я изучал Печати. В молодости. До того, как стал священником.

Андрей молчал, ожидая продолжения.

— Я нашёл в архивах Церкви древние тексты, — тихо сказал Грегор. — Тексты, которые доказывали, что Печати — это не дар и не проклятие. Это... наука. Система. Её можно понять. Можно использовать. Но Церковь объявила эти тексты ересью. Меня лишили сана и сослали сюда.

— Значит, вы знаете, как работают Печати?

— Я знаю теорию. На практике... я не маг. У меня нет Дара. Но я могу объяснить.

Он взял чистый лист бумаги и нарисовал круг. Внутри круга — несколько пересекающихся линий, образующих сложный узор.

— Это Печать Первого Круга. Простейшая. С её помощью маг может зажечь свечу. Или вскипятить воду. Или создать лёгкий ветерок. Видите линии? Каждая из них — это условие. Угол наклона определяет силу. Пересечение — цель. Точка в центре — источник. Маг рисует Печать в воздухе или на предмете, и реальность... подчиняется. Потому что реальность — это тоже своего рода Печать. Самая сложная. Изначальная.

Андрей внимательно смотрел на рисунок. Что-то в нём было знакомое. Эти линии, пересечения, условия... Это напоминало ему код. Программный код, который он когда-то изучал в институте, до того как ушёл в политехнологии.

— Если реальность — это Печать, — медленно произнёс он, — значит, её можно... переписать?

Грегор поднял на него глаза. В них мелькнуло удивление.

— Теоретически — да. Но для этого нужен доступ к Изначальной Печати. А он есть только у Высших Магов Ордена Башни. И, возможно... у Архиепископа.

— А у вас?

Грегор покачал головой.

— У меня нет Дара. Я могу только читать и анализировать. Но за те годы, что я провёл в этой библиотеке, я научился видеть закономерности. Печати — это язык. И если

понять его грамматику, можно... многое.

Андрей задумался. Язык. Код. Система. Это было именно то, с чем он умел работать. Он не мог колдовать. Но он мог понимать. А понимание — это власть.

— Научите меня этому языку, — сказал он. — Не колдовству. Теории.

— Зачем вам это, милорд?

— Чтобы понимать тех, кто колдует. И чтобы однажды... переписать правила.

Грегор долго смотрел на него. Потом кивнул.

— Хорошо. Но это будет долгий путь.

— У меня есть время.

После обеда Андрей вернулся в свою комнату. Мышцы ныли после тренировки, голова гудела от новых знаний. Он сел в кресло и прикрыл глаза, пытаясь систематизировать услышанное. Четыре дома. Печати. Церковь. Всё это складывалось в сложную, но понятную картину. Не хватало только информации — конкретной, приземлённой, о людях и их слабостях.

В дверь тихо постучали.

— Войдите.

Вошла Марта. Она выглядела немного запыхавшейся, но довольной. В руках — небольшой свиток.

— Милорд, я сделала, что вы просили.

— Уже? — Андрей выпрямился. — Быстро.

— Слуги любят поговорить. Особенно когда думают, что

их никто не слушает. — Она чуть улыбнулась. — Я поговорила с дядей-конюхом. И с тёткой-кухаркой. И с парой горничных. Они не знают, зачем мне это, но доверяют.

— И что узнала?

Марта развернула свиток. Там были заметки — корявым почерком, с ошибками, но вполне разборчивые.

— Во-первых, о герцогине Монфор. Говорят, она приезжает в Аркхейм через две недели. Зачем — никто не знает. Но мой дядя сказал, что её люди уже здесь. Спрашивали о вас.

— Обо мне?

— Да. Интересовались, правда ли, что вы вчера были пьяны. И правда ли, что сегодня — трезвы и занимались с библиотекарем.

Андрей нахмурился. Это было быстро. Слишком быстро. Значит, у Изабеллы действительно есть шпионы в замке Ланкастеров.

— Кто именно спрашивал?

— Какой-то торговец тканями. Он приезжал вчера вечером и разговаривал с дворецким. Дядя слышал обрывок разговора.

— Торговец тканями, — повторил Андрей. — Запомни. Присмотрись к нему, если появится снова. Что ещё?

— Во-вторых, о сире Роланде. — Марта чуть понизила голос. — Говорят, он в долгах. Его отец оставил кучу векселей, и теперь кредиторы требуют денег. Сир Роланд отдаёт

почти всё жалование. Поэтому он и ходит в старых доспехах.

Андрей кивнул. Это объясняло многое. Роланд — гордый человек. Он не будет просить помощи. Но долги — это рычаг.

— В-третьих, о леди Ванессе. — Марта помялась. — Говорят, она... пишет стихи.

— Что? — Андрей невольно усмехнулся. — Стихи?

— Да. Тайком. Её отец запрещает — говорит, что это занятие для простолюдинов. Но она всё равно пишет. Одна из горничных Блэквудов рассказывала моей тётке, что видела черновики. Стихи о свободе. О море. О том, что она хотела бы быть чайкой, а не леди.

Андрей задумался. Стихи о свободе. Значит, Ванесса — не просто пешка в игре отца. У неё есть мечты. И эти мечты можно использовать.

— Хорошая работа, Марта, — сказал он. — Очень хорошая.

Она чуть покраснела — то ли от похвалы, то ли от смущения.

— Это всё, милорд. Больше пока ничего важного.

— Пока — достаточно. Продолжай слушать. И... — он помедлил, — если узнаешь что-то о долгах Роланда подробнее, скажи мне. Но осторожно. Он не должен знать, что мы интересуемся.

— Понимаю. — Марта кивнула и вышла.

Андрей остался один. Он смотрел на свиток с заметками

и думал. Изабелла уже начала прощупывать его. Роланд в долгах — и это можно использовать, но нужно действовать тонко, чтобы не оскорбить его гордость. Ванесса пишет стихи о свободе — это ключ к её сердцу, или к тому, что у неё вместо сердца. А ещё — шпион в замке. Торговец тканями. Нужно будет выяснить, кто он и кому служит.

Игра началась. И первый ход был за ним.

Вечером, когда замок затих, Андрей решился на разговор, к которому готовился весь день. Он пошёл в покои матери.

Леди Кэтрин Ланкастер жила в западном крыле замка — в комнатах, выходящих окнами на сад. Она редко покидала их. После смерти мужа, брата герцога, она словно выцвела, поблёкла, ушла в себя. Андрей знал это из обрывочных воспоминаний Эдварда, которые всё ещё всплывали в его голове. Мать всегда была строгой и любящей, но после похорон мужа что-то в ней сломалось.

Он постучал.

— Войдите, — раздался тихий голос.

Леди Кэтрин сидела в кресле у окна. Ей было около сорока, но выглядела она старше. Седина в тёмных волосах, морщины вокруг глаз, бледная кожа. Она держала в руках вышивку, но, судя по тому, что игла не двигалась, мысли её были далеко.

— Эдвард, — сказала она, подняв глаза. — Ты пришёл.

— Здравствуй, мама.

Она чуть улыбнулась, но улыбка вышла грустной.

— Ты редко заходишь. Обычно ты... занят.

«Занят» в её устах явно означало «пьян». Андрей сел на стул напротив.

— Я изменился, мама.

— Я слышала. — Она отложила вышивку. — Слышала, что ты говорил с Ричардом. Что просил книг. Что тренировался с Роландом. Это... не похоже на тебя.

— Я знаю. Но это я. Настоящий я.

Леди Кэтрин долго смотрела на него. В её глазах стояли слёзы — не горя, а какого-то тихого, давнего смирения.

— Твой отец, — сказала она тихо, — был таким же. Он тоже однажды изменился. До встречи со мной он был повесой, игроком, дуэлянтом. А потом... стал другим. Серьёзным. Ответственным. Ты очень похож на него. Особенно сейчас.

Андрей молчал. Он не знал, что сказать. В прошлой жизни у него не было матери — детдом, потом самостоятельная жизнь. И сейчас, глядя на эту женщину, он чувствовал странную смесь жалости и нежности. Она потеряла мужа. Потом — сына, который превратился в пьяного шута. А теперь — перед ней сидит чужой человек в теле её ребёнка.

— Я не подведу тебя, мама, — сказал он. — И память отца. Обещаю.

Леди Кэтрин протянула руку и коснулась его щеки. Пальцы у неё были холодными и сухими.

— Ты уже не подводишь, — прошептала она. — Просто будь осторожен. В этом мире... слишком много тех, кто за-

хочет тебя сломать.

— Я знаю. Я справлюсь.

Он посидел с ней ещё немного, а потом ушёл. В коридоре было темно. Андрей прислонился к стене и закрыл глаза. Разговор с матерью дался ему тяжелее, чем тренировка с Роландом. Тяжелее, чем урок с Грегором. Потому что здесь не было стратегии. Здесь была просто боль. И любовь. И ответственность.

Он глубоко вздохнул и открыл глаза. Хватит эмоций. Завтра — новый день. Нужно готовиться к встрече с Ванессой. Нужно думать о шпионе в замке. Нужно учиться, тренироваться, плести паутину.

Нужно жить.

Вот полный текст третьей главы. Копируй смело.

Глава 3. Леди и шут

Встреча с леди Ванессой Блэквуд была назначена на третий день после знаменательного разговора Андрея с дядей. Герцог Ричард сдержал слово и договорился с Блэквудами о кратком свидании молодых людей в нейтральном месте — в саду при храме Единого Света, под бдительным, но достаточно удалённым присмотром сопровождающих.

Для Андрея это была первая по-настоящему серьёзная операция. Не тренировка с деревянным мечом, не зубрёжка истории с Грегором, а реальная работа с живым человеком, от которого зависела судьба его дома. Он готовился к ней, как когда-то готовился к переговорам с губернаторами и олигархами. Изучал всё, что можно было узнать о Ванессе: её вкусы, привычки, отношения с отцом, круг чтения. Последнее особенно впечатлило Марту, которая раздобыла список книг, заказываемых леди Ванессой в библиотеку Блэквудов. Там были не только молитвенники и руководства по этикету, но и трактаты по истории, сборники стихов и даже одна запрещённая Церковью книга по теории Печатей.

Девушка интересовалась магией. Тайно. Это был крючок, на который её можно было поймать. Или которым она сама могла поймать его. Андрей не исключал ни того, ни другого.

В назначенный день он прибыл в храмовый сад в сопро-

вождении сира Роланда и Марты. Рыцарь был в новом дублете, купленном на деньги, которые Андрей настоял ему выдать в счёт будущего жалованья, и выглядел мрачно-торжественным. Марта волновалась и то и дело поправляла платье. Андрей же был спокоен, как камень. Он знал, что от этой встречи зависит многое, но не позволял себе нервничать. Нервы — это роскошь, которую он не мог себе позволить.

Леди Ванесса уже ждала его в беседке, увитой плющом. Рядом с ней стояла её компаньонка — пожилая дама с сухим лицом и цепким взглядом, которая, без сомнения, докладывала каждый шаг своей подопечной герцогу Блэквуду. Ванесса, в отличие от своей сопровождающей, выглядела спокойной и чуть печальной. На ней было светло-серое платье, почти монашеское, без украшений. Единственной яркой деталью был тонкий серебряный браслет на левом запястье — работа, явно стоившая целое состояние, но при этом на удивление изящная и скромная.

— Лорд Эдвард, — произнесла она, когда Андрей приблизился. Голос у неё был негромкий, но твёрдый.

— Леди Ванесса. — Он поклонился. — Благодарю, что согласились на эту встречу.

— У меня не было выбора, — ответила она с лёгкой, едва заметной улыбкой. — Но я рада, что вы, по крайней мере, трезвы. Это приятное отличие от наших предыдущих... встреч.

— Я слышал, что вчера вы читали «Историю упадка Западных Королевств», — сказал он, беря быка за рога.

Ванесса чуть приподняла бровь.

— Откуда вы знаете?

— У меня хорошие информаторы. Что вы думаете о причинах падения Третьей Династии?

Она помолчала, явно оценивая его. Потом сказала:

— Я думаю, что они слишком полагались на Печати и забыли о людях. Когда магия перестала работать, их подданные не захотели их защищать. А что думаете вы?

— Я думаю, что они проиграли не магически, а политически. Они не смогли создать союзы. Они считали, что сила Печатей заменит дипломатию. Это ошибка.

Ванесса посмотрела на него с интересом.

— Вы говорите как человек, который изучал политику.

— Я учусь. У хороших учителей.

Некоторое время они шли по дорожке молча. Компаньонка держалась на расстоянии, но в пределах слышимости. Андрей понимал, что каждое их слово будет передано герцогу Блэквуду, и взвешивал каждую фразу.

— Лорд Эдвард, — вдруг сказала Ванесса, — я знаю, зачем мы здесь. Наши семьи хотят, чтобы мы заключили брак. Это политический союз. Я для них — товар. Вы, наверное, тоже.

— Верно, — согласился Андрей. — Но это не значит, что мы должны быть пассивными товарами. Мы можем исполь-

зовать эту ситуацию в своих интересах.

— Каким образом?

— Я не знаю ваших интересов, леди Ванесса. Расскажите мне о них.

Она остановилась и посмотрела на него. Взгляд у неё был долгий, оценивающий. Так смотрят не на жениха, а на соперника за шахматной доской.

— Хорошо, — сказала она. — Я скажу вам правду. Я не хочу замуж. Ни за вас, ни за кого-либо другого. Я хочу учиться. Я хочу понимать, как устроен мир. Я хочу... свободы. Но у меня нет выбора. Мой отец продаст меня тому, кто предложит лучшую цену. Если это будете вы — я выйду за вас. Но не ждите от меня любви.

Андрей молчал несколько секунд. Потом сказал:

— Я не жду любви. Я жду партнёра.

— Партнёра?

— Да. Вы умны, образованны, вы разбираетесь в политике. Вы можете быть не просто женой, а советником. Союзником. Тем, кто поможет мне, а я помогу вам. Если мы заключим этот брак, я обещаю вам две вещи. Первое: вы сможете учиться. Я найму для вас лучших учителей, каких смогу. Второе: я никогда не буду вас принуждать. К чему бы то ни было.

Ванесса долго смотрела на него. Её лицо было неподвижным, но в глазах что-то менялось. Может быть, недоверие боролось с надеждой.

— Вы говорите странные вещи, лорд Эдвард. Слишком... честные. Почему я должна вам верить?

— Потому что я не вру. По крайней мере, вам. Ложь — плохая основа для союза. Я предлагаю вам сделку. Не любовь. Сделку.

Она чуть усмехнулась.

— Сделку. Как купец.

— Как политик. Купцы торгуют товарами. Политики — интересами. Это разные вещи.

Ванесса помолчала, потом медленно кивнула.

— Хорошо, лорд Эдвард. Я подумаю над вашим предложением. Но у меня есть одно условие.

— Какое?

— Если мы действительно заключим этот брак, вы расскажете мне, что с вами случилось. — Она пристально посмотрела на него. — Потому что вы — не тот человек, которого я видела месяц назад. Тот был пьяным дураком. А этот — расчётливый стратег. Я хочу знать, кто вы на самом деле.

Андрей встретил её взгляд и не отвёл глаз.

— Договорились. Если мы поженимся, я расскажу вам всё. Без лжи.

— Тогда по рукам.

Она протянула ему ладонь — тонкую, бледную, с серебряным браслетом на запястье. Андрей осторожно пожал её.

— По рукам.

Вечером, в своей комнате, Андрей сидел в кресле и ду-

мал. Разговор с Ванессой превзошёл его ожидания. Она оказалась не просто умной — она оказалась опасной. Она смотрела на него и видела то, чего не видели другие: что за маской Эдварда скрывается кто-то другой. И она прямо спросила об этом. Это было рискованно. Но и ценно. Если она станет его союзницей, у него появится не просто жена, а настоящий партнёр. Если врагом — она будет знать его тайну.

Но риск того стоил. В политике, как и в бизнесе, самые большие выигрыши достаются тем, кто рискует.

В дверь постучали.

— Войдите.

Вошёл сир Роланд. Он был без доспехов, в простой рубашке, и выглядел непривычно... домашним.

— Милорд, можно с вами поговорить? Не как с учеником. Как с господином.

— Садитесь, — Андрей указал на стул. — Что случилось? Роланд сел и долго молчал, прежде чем заговорить.

— Я думал о вашем предложении. О долгах. Я... — он запнулся. — Я не привык просить. Но моя мать больна. Ей нужно лечение. А денег нет. Если вы поможете мне, я буду служить вам. Не герцогу. Лично вам.

Андрей посмотрел на него. Гордый рыцарь, который ещё две недели назад смотрел на него как на пустое место, теперь просил о помощи. Это была победа. Но Андрей не чувствовал торжества. Только ответственность.

— Я помогу, — сказал он. — Без условий. Вы — хороший

человек, сир Роланд. И я ценю вашу службу. Но я хочу, чтобы вы знали: я не покупаю людей. Я привлекаю их. Разница в том, что купленный предаст, когда предложат больше. Привлечённый — будет стоять до конца.

Роланд поднял глаза. В них стояло что-то похожее на слёзы, хотя, возможно, это был просто отблеск свечи.

— Я буду стоять, — сказал он. — Клянусь честью.

— Тогда завтра поедем к моему казначею. И решим вопрос. А теперь идите спать. У нас обоих был долгий день.

Роланд встал, поклонился и вышел. Андрей остался один. Он смотрел на пламя свечи и думал. Ванесса. Роланд. Марта. Грегор. Четыре человека, которых он привлёк на свою сторону. Четыре столпа будущей власти. Но это только начало. Чтобы выжить в этом мире, ему понадобятся десятки, а потом и сотни союзников. И каждый из них должен верить, что он — особенный. Что он — не инструмент, а партнёр.

Это была самая сложная игра в его жизни. И самая увлекательная.

Глава 4. Королевский Совет

Две недели пролетели как один день.

Андрей просыпался на рассвете, тренировался с сиром Роландом до изнеможения, потом шёл в библиотеку к отцу Грегору, который безжалостно грузил его историей, правом, геральдикой, экономикой и теорией Печатей. После обеда он работал с Мартой, разбирая донесения её растущей сети информаторов — теперь это были уже не только слуги Ланкастеров, но и пара трактирщиков, один писец из городской канцелярии и даже младший конюх Блэквудов, которого Марта завербовала через какую-то сложную схему с долгами и родственными связями.

— Ты прирождённый вербовщик, — сказал ей Андрей однажды вечером, просматривая очередной доклад.

— Просто люди любят говорить, — скромно ответила Марта, но глаза её сияли.

— Люди любят говорить с теми, кому доверяют. А ты умеешь вызывать доверие. Это редкий дар.

Он не преувеличивал. За две недели Марта создала сеть, которая покрывала большую часть замка Ланкастеров и частично — город. Она знала, кто с кем спит, кто кому должен, кто на кого держит зуб. Эта информация была бесценна. Андрей начал вести картотеку — на отдельных листах,

зашифрованную простым кодом, который он сам придумал на основе земной стенографии. Никто в этом мире не смог бы её прочитать.

Сир Роланд, сам того не зная, тоже стал частью сети. Во время тренировок он, скупой на слова, иногда ронял ценные замечания о других рыцарях, о расстановке сил в гарнизоне, о том, кто из офицеров недоволен герцогом. Андрей запоминал каждое слово.

— Сегодня вы не падали, — заметил Роланд на десятой тренировке.

— Это комплимент?

— Это наблюдение.

Но Андрей заметил, что в голосе рыцаря стало меньше холода. И когда он однажды упомянул, что знает о долгах Роланда и может помочь — не деньгами, а советом, как реструктуризировать выплаты, — Роланд не вспыхнул, как ожидалось. Он долго молчал, а потом сказал: «Я подумаю». Это было больше, чем Андрей мог надеяться.

Отец Грегор оказался настоящим кладом знаний. Он не просто учил Андрея истории — он учил его видеть закономерности. Как войны начинались из-за торговых споров. Как династические браки приводили к предательствам. Как малые дома лавировали между великими, выживая и наращивая влияние. Андрей впитывал всё, задавал вопросы, спорил. Однажды Грегор заметил:

— Вы спрашиваете не как ученик, милорд. Вы спрашива-

ете как стратег.

— А какая разница?

— Ученик хочет знать правильный ответ. Стратег хочет знать, как использовать ответ для победы.

Андрей не нашёлся, что ответить. Но запомнил.

Слежка за торговцем тканями дала первые плоды. Марта выяснила, что его настоящее имя — Корвин, и он действительно служит дому Монфор. Более того, он не просто шпион — он курьер. Каждую неделю он отправляет голубиной почтой донесения на юг. Андрей приказал перехватить одно из них.

Донесение оказалось зашифрованным — простой шифр замены, который Грегор разгадал за час. В нём сообщалось о том, что «объект Э» (явно Эдвард) резко изменил поведение, начал обучение и демонстрирует «несвойственную ранее рассудительность». Также упоминалось, что герцог Ричард планирует выдать племянника за леди Ванессу, и рекомендовалось «принять меры для срыва помолвки».

— Они попытаются помешать, — сказал Андрей, прочитав расшифровку.

— Что будем делать? — спросила Марта.

— Пусть пытаются. Мы будем готовы.

Он приказал оставить голубятню под наблюдением, но не трогать Корвина. Пусть шпион думает, что его не раскрыли. Дезинформация — тоже оружие.

За день до Королевского Совета Андрей стоял перед зер-

калом. На нём был новый камзол — тёмно-синий, с серебряным шитьём, цвета дома Ланкастеров. Марта помогла ему одеться, поправляя складки и одёргивая рукава. Андрей смотрел на своё отражение. Из зеркала на него глядел не тот измождённый мальчишка, которого он увидел в первый день. За две недели тренировок и нормального питания (без вина!) тело Эдварда изменилось. Плечи стали шире, спина — прямее, взгляд — твёрже. Синяки под глазами исчезли. На скуле ещё виднелся шрам от царапины, но теперь он выглядел не жалко, а как отметина воина.

— Вы выглядите... внушительно, милорд, — тихо сказала Марта.

— Внушительно? Или устрашающе?

Она чуть улыбнулась.

— И то, и другое.

В дверь постучали. Вошёл герцог Ричард. Он окинул племянника оценивающим взглядом и, кажется, остался доволен.

— Завтра Совет, — сказал он. — Ты будешь рядом со мной. Блэквуды тоже приведут Ванессу. Если удастся, объявим о помолвке прямо там.

— Это рискованно, — заметил Андрей. — Монфоры попытаются сорвать.

— Знаю. Поэтому ты будешь молчать. Говорить буду я.

Андрей кивнул, хотя в душе не согласился. Он не собирался молчать. Он собирался играть.

Зал Королевского Совета находился в Аркхейме, в старом королевском дворце. Это было огромное круглое помещение, увенчанное куполом с фресками, изображавшими Первого Короля и Печать Единства. Вдоль стен стояли скамьи для представителей Великих Домов и их вассалов. В центре, на возвышении, пустовал трон — старый король Генрих IV был слишком слаб, чтобы присутствовать. Рядом с тронном стояло кресло Архиепископа и место для главы Ордена Башни.

Зал гудел, как улей. Андрей, стоя позади дяди, разглядывал собравшихся.

Герцог Эдмунд Блэквуд сидел напротив, окружённый своими людьми. Это был грузный мужчина с красным лицом и холодными глазами, одетый в тёмно-зелёный бархат с золотом. Рядом с ним, чуть позади, сидела леди Ванесса. Она была бледна, но спокойна. Их взгляды встретились на мгновение — Ванесса чуть заметно кивнула. Андрей ответил тем же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.